

Электронный научный журнал «Век качества» ISSN 2500-1841 <https://www.agequal.ru>

2025, №4 https://www.agequal.ru/pdf/2025/AGE_QUALITY_4_2025.pdf

Ссылка для цитирования этой статьи:

Мироносцев Г.К., Платунина Г.П. Воздействие санкционных режимов: экономические эффекты санкций на международные отношения и механизмы адаптации стран // Электронный научный журнал «Век качества». 2025. №4. С. 73-103. Режим доступа: <https://www.agequal.ru/pdf/2025/425004.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

УДК 338

Воздействие санкционных режимов: экономические эффекты санкций на международные отношения и механизмы адаптации стран

*Мироносцев Григорий Константинович,
студент группы МЭиБИ25-2м,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
gmiironosceev@gmail.com*

*Платунина Галина Петровна,
старший преподаватель
кафедры «Цифровая экономика, управление и бизнес-технологии»
Московский технический университет связи и информатики,
111024, Россия, г. Москва, Авиамоторная ул., д. 8А
g.p.platunina@mtuci.ru*

В статье рассматриваются экономические эффекты санкционных режимов и их влияние на международные отношения. Проведён анализ исторической эволюции применения санкций, выявлены ключевые механизмы их воздействия на мировую экономику, а также изучены последствия для стран-инициаторов и стран-объектов санкционного давления. Особое внимание уделено адаптационным стратегиям государств, включая переориентацию торговых потоков, развитие внутреннего экономического потенциала и формирование инновационных моделей технологической независимости. Рассмотрены трансформации дипломатических стратегий и роль международных организаций в санкционной политике. Сделан вывод о двойственном характере санкций, которые одновременно ограничивают международное взаимодействие и стимулируют появление новых форм сотрудничества и глобального управления.

Ключевые слова: санкции, санкционные режимы, международные отношения, экономические эффекты, механизмы адаптации, торговые потоки, импортозамещение, инновации, технологическая независимость, международные организации.

Введение

Санкционные режимы в условиях возрастающей взаимозависимости мировой экономики выступают одним из ключевых инструментов внешнеполитического воздействия, изменяя конфигурацию торговых потоков, доступ к финансированию и траектории технологического развития государств. Их применение сопровождается как краткосрочными шоками, так и долгосрочными структурными сдвигами, затрагивающими институциональные параметры экономик и характер международного взаимодействия. В этих условиях возрастает научная и практическая значимость анализа экономических эффектов санкций и тех адаптационных механизмов, которые формируются на уровне национальных стратегий.

Целью настоящего исследования является выявление и аналитическое описание экономических последствий санкционных режимов для стран-инициаторов и стран-целей, а также оценка их влияния на динамику международных отношений. Объектом выступают санкции как комплекс мер экономического и институционального воздействия, предметом – каналы их влияния на макроэкономические показатели, внешнеторговые и финансовые связи, а также набор практик адаптации, включающих в себя переориентацию рынков, импортозамещение, локализацию и технологические решения. Методологическая база сочетает инструменты экономического анализа, политологической интерпретации стратегий акторов и подходы международного права, что обеспечивает целостный ракурс рассмотрения.

Научная новизна работы состоит в интеграции разнородных эффектов санкций с классификацией адаптационных траекторий и в уточнении условий, при которых реакция экономик способна трансформировать первоначальные потери в устойчивые институциональные изменения. Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности применения полученных выводов при формировании экономической и внешнеэкономической политики

государств, находящихся под санкционным давлением, для минимизации издержек и использования возникающих возможностей.

Определение и классификация санкций в международных отношениях

В международной экономике санкциями принято называть совокупность несиловых мер принудительного характера, посредством которых государства и наднациональные институты стремятся изменить поведение адресата и добиться соблюдения определённых норм международного порядка. Речь идёт не о разовой акции, а о режимах, имеющих правовое основание и процедурную рамку: они определяют круг затрагиваемых операций, срок действия, условия смягчения и механизмы контроля. По природе инструментов такие режимы варьируют от торговых и финансовых ограничений до технологических запретов и персональных мер; по формату – от односторонних решений до многосторонних соглашений и резолюций, обязательных для исполнения. В основе лежит экономическая логика изменения относительных цен и доступности ресурсов: возрастает стоимость трансграничных транзакций, сужается доступ к капиталу и технологиям, перераспределяются логистические и страховые риски.

Практический эффект санкций проявляется через каналы трансмиссии – торговый, финансовый, технологический и институциональный. Они перестраивают стимулы участников: часть контрагентов уходит с рынка, контракты корректируются, расчётные схемы диверсифицируются, а цепочки поставок получают иную географию и глубину переработки. Вот почему санкции одновременно выступают инструментом внешнеполитического давления и фактором структурной динамики: запускают адаптационные стратегии адресатов (переориентация рынков, локализация, развитие собственных решений) и перестраивают конфигурацию международных связей. Именно в этом двойственном качестве – как регулятор и как источник институциональных сдвигов – санкции и подлежат аналитическому

рассмотрению в рамках международно-экономических исследований.

Классификация санкций в международной экономике целесообразна по каналам передачи эффекта. К *торговым мерам* относят запреты импорта и экспорта, эмбарго на отдельные группы товаров, а также ограничения страхования перевозок и захода в порты. Исторически показателен режим Лиги Наций против Италии (1935 г.) и более поздние пакеты ограничений в отношении ЮАР в 1980-е гг.; в новейшей практике – последовательные решения ЕС и США, затрагивавшие поставки оборудования и продукции двойного назначения для отдельных государств с 2014 г. Типичный результат – удорожание внешней торговли, сокращение ассортимента, удлинение логистики и перераспределение товарных потоков в пользу альтернативных направлений.

Финансовые меры охватывают заморозку активов, ограничения на заимствования и операции с ценными бумагами, отключение от расчётных каналов и ужесточение комплаенса. Прецеденты – режимы против Ирана в 2010-е гг. и Венесуэлы с 2018 г., а также частичное блокирование доступа к традиционным каналам международных расчётов для ряда банков в 2022 г. Последствия проявляются быстро: растут риск-премии и стоимость капитала, усиливается дедолларизация части расчётов, смещается структура контрактов в сторону предоплаты, клиринга и региональных платёжных решений.

Технологические меры и экспортный контроль включают в себя запреты на поставки оборудования, программного обеспечения и лицензий, ограничения совместных НИОКР и передачу ноу-хау. Историческую основу задавали координированные списки времён холодной войны; сегодня – ограничения на экспорт полупроводникового оборудования и высокопроизводительных систем в адрес отдельных стран. Эффект преимущественно отложенный: дефицит критических компонентов, замедление обновления капитала и технологические разрывы, что ускоряет программы импортозамещения и поиск субститутов (взаимозаменяемых товаров), но

повышает стоимость сервисного обслуживания.

Адресные (персональные) меры нацелены на конкретных физических и юридических лиц: визовые запреты, блокировка активов, запрет деловых контактов. Они активно применялись к представителям власти в Югославии в конце 1990-х гг. и к ряду ближневосточных режимов в 2011 г. Их достоинство – меньшие побочные эффекты для населения; однако бизнес часто практикует «избыточное соблюдение», расширяя фактический охват ограничений сверх формальных списков.

Отдельно выделяют *секторальные санкции* (энергетика, финансы, транспорт, ВПК), в том числе ценовые потолки и страховые запреты в морской перевозке сырья: они ведут к сдвигу проектных портфелей, расширению скидок к бенчмаркам и формированию параллельной логистики. Наконец, *эмбарго на вооружения* – наиболее жёсткая форма несиловых ограничений: решения ООН по ЮАР и Югославии показали, что экономический след таких мер распространяется и на смежные отрасли через дефицит узлов и сервисных услуг.

По формату координации различают односторонние, региональные и многосторонние режимы: от долговременных национальных решений (например, США в отношении Кубы) до резолюций Совбеза ООН, как в иранском кейсе 2006 г. Чем шире коалиция, тем меньше возможностей для арбитража и обхода и тем выше исполнимость; взамен растут издержки координации. По охвату меры бывают комплексными и «точечными»: современная практика смещается к таргетированным пакетам, которые в серии создают кумулятивный эффект, сопоставимый с комплексными режимами, но с более управляемым профилем побочных последствий. В совокупности описанная типология связывает юридическую форму с экономическими каналами передачи – торговым, финансовым, технологическим и институциональным – и позволяет прогнозировать контуры адаптации: перераспределение потоков, валютно-платёжную диверсификацию, локализацию и переоформление коалиций.

Подобная типология позволяет оценить масштаб и направленность воздействия на целевую экономику и на конфигурацию международных связей, а также учитывать, что правовая оценка санкций может различаться у инициаторов и адресатов, что порождает разночтения в трактовке их легитимности и последствий. Кроме того, сложность определения термина «санкции» связана с различными подходами к правовой оценке санкций со стороны государства-субъекта и государства-объекта санкций [7].

Историческая эволюция применения санкций

История применения санкционных режимов в международных отношениях насчитывает тысячелетия и отражает эволюцию методов воздействия между государствами. Одним из первых известных примеров использования санкций считается торговая блокада, введенная Афинами против Мегары в 432 г. до н. э. Этот шаг стал одним из факторов, приведших к началу Пелопоннесской войны, демонстрируя, что санкции уже тогда служили инструментом политического давления.

В более поздние периоды, особенно в XX в., санкции начали приобретать более организованный характер. В 1930-х гг. Лига Наций попыталась применить санкции против Италии за её агрессию в отношении Эфиопии. Отсутствие единства среди членов Лиги и ограниченность введенных мер сделали эти санкции неэффективными, что подчеркнуло необходимость международной координации.

После Первой мировой войны санкции стали рассматриваться как важный инструмент внешней политики. Во время и после холодной войны использование санкций значительно возросло, и эта тенденция стала особенно заметной в начале XXI в. [12]. С начала 1990-х гг. под эгидой ООН санкции стали важным инструментом в поддержании международной безопасности. Применение санкций против Ирака после его вторжения в Кувейт иллюстрирует комплексный подход, охватывающий экономические,

политические и военные аспекты. Таким образом, историческое развитие санкционных режимов демонстрирует их трансформацию от локальных актов давления к глобальным инструментам международной политики.

Теоретические подходы к изучению экономических эффектов санкций

Анализ последствий санкций опирается на несколько устойчивых исследовательских рамок. Первая – теория игр в классической постановке Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна, позволяющая рассматривать взаимодействие инициаторов и адресатов санкций как последовательность стратегических ходов при неполной информации. В этой логике изучаются условия равновесия, достоверность сигналов принуждения, вероятности эскалации и деэскалации, а также устойчивость санкционных коалиций.

Вторая – вычислимые модели общего равновесия, применяемые для количественной оценки макроэкономических эффектов. В таких моделях санкции задаются как увеличение торговых издержек, ограничения доступа к иностранному капиталу и технологиям, а также как шоки на отдельных товарных и финансовых рынках. Эмпирические приложения к кейсу Ирана в 2010-е гг. демонстрируют сокращение выпуска, прежде всего, через каналы сжатия экспорта и инвестиций и удорожание внешнего финансирования; сопутствующие эффекты проявляются в изменении относительных цен, усилении инфляционного давления и перераспределении ресурсов между секторами.

Неоднородность санкционных режимов и изменчивость практики их применения осложняют унификацию определений и сопоставимость оценок [7]. В этом контексте показателен комплекс прикладных работ по адаптационным мерам: «определены основные проблемы политики импортозамещения во всех отраслях экономики страны и предложены возможные пути реализации» [15]. Учет таких результатов в модельных сценариях позволяет корректнее параметризовать механизмы смягчения

санкционных шоков, и повысить объяснительную и прикладную ценность выводов исследования.

Международно-правовые аспекты санкций

Правовые основы санкционных режимов формируются на базе международных договоров и соглашений, которые устанавливают правила и процедуры их применения. Одним из ключевых документов, регулирующих санкционные меры, является Устав ООН, принятый в 1945 г. В статье 41 Устава закреплено право Совета Безопасности ООН вводить санкции для поддержания международного мира и безопасности. Это положение легитимизирует санкции как инструмент международной политики и позволяет реагировать на угрозы миру, такие как акты агрессии или нарушение прав человека. Устав ООН также определяет рамки для применения санкций, обеспечивая их соответствие основным принципам международного права. Тем не менее, экономические санкции часто рассматриваются как «мягкая альтернатива» вооруженному конфликту, что делает их использование широко распространенным в современном мире [12].

Применение санкционных мер должно соответствовать принципам международного права, чтобы избежать их произвольного использования. В этом контексте важную роль играет обеспечение правомерности санкций. Например, санкции Европейского союза проходят проверку на соответствие основополагающим правам, закрепленным в Хартии ЕС, через решения Европейского суда. Этот процесс гарантирует, что санкционные меры не нарушают права и свободы, предусмотренные международными нормами. Таким образом, правовая проверка санкций способствует их легитимности и укреплению доверия к международным механизмам санкционного регулирования.

Влияние санкций на глобальные экономические процессы

Введение ограничительных мер по отношению к Российской Федерации в 2014 г. привело к быстрой перестройке российских внешнеторговых потоков: география экспорта сместилась в сторону Азии, а поставки в Китай в следующий год увеличились примерно на 17%. Такая динамика отражает типичную реакцию экономики на шоки доступа к рынкам и технологиям – смену контрагентов, перенастройку логистики и ценовых условий. Как подчёркивает М.В. Рукинов, «санкции направлены на ограничение притока финансов в России и на противодействие технологическому развитию нашей страны» [16], что фиксирует многоканальный характер воздействий.

На макроуровне эффекты проявляются через выпуск, цены и инвестиции. Для Ирана в 2012-2015 гг. регистрировалось падение ВВП порядка 15% и всплеск инфляции до 40% в 2013 г.; ключевыми каналами выступали ограничения на экспорт нефти и разрывы в международных расчётах и финансировании. Сопоставимые последствия описываются и для России: в 2014-2022 гг. темпы роста снижались на 2-3 процентных пункта в год, что эквивалентно потере до 1,5 трлн руб. ежегодно [1]. В совокупности это указывает на сочетание сжатия производства, усиления инфляционного давления и ухудшения инвестиционного климата.

Финансовая архитектура также претерпевает изменения. После введения США ограничений против Венесуэлы в 2018 г. были заморожены зарубежные активы и фактически перекрыт долларовый канал, что вынудило переводить расчёты в евро и китайский юань. При этом, как отмечает Т.Е. Тесленко, международные санкции нередко подрывают доверие к юаню как к резервной валюте [18], а значит, воздействие распространяется не только на объёмы и направления торговли, но и на валютные предпочтения и стратегии внешних расчётов государств.

Роль санкций в изменении структуры международной торговли

Ограничительные режимы перестраивают географию и масштабы товарных потоков, поскольку для адресатов возрастают издержки выхода на привычные рынки и усиливаются риски сопровождения сделок. После мер 2014 г. экспорт стран ЕС в Россию в течение первого года сократился примерно на 40%, что запустило перераспределение спроса и предложение альтернативных каналов сбыта. Российские компании ускоренно переключали поставки на внутренний рынок и азиатские направления, частично компенсируя утраченный европейский контур; параллельно наращивались контакты с Латинской Америкой. На отраслевом уровне эффект оказался неоднородным: в обрабатывающей промышленности фиксировались провалы выпуска, прежде всего в автомобилестроении и машиностроении (минус 7% и 5% соответственно), что отражает чувствительность длинных производственных цепочек к торгово-логистическим ограничениям и росту транзакционных издержек [1]. В совокупности наблюдаемая динамика демонстрирует, как санкции меняют топологию международных связей, перенастраивая маршруты, цены и структуру контрактов между странами.

Показательная динамика фиксируется не только в торговле со стороны стран, присоединившихся к ограничениям, но и в поставках из юрисдикций, формально не поддерживавших санкционные режимы. После февраля 2022 г. экспорт в Россию из обеих групп стран резко сократился, причём глубина падения у «санкционирующих» контрагентов оказалась сопоставима с уменьшением поставок со стороны «несанкционирующих» партнёров: ужесточение комплаенса и страховых условий, перебои с расчётами и логистикой, рост премий за риск и добровольный de-risking со стороны корпораций (рис. 1) [22].

Источник: Peterson Institute for International Economics (M. Chorzempa, 2022) [22]

Рис. 1. Экспорт в Россию из стран, присоединившихся к санкционным режимам (синяя линия) и не присоединившихся (бордовая линия), млрд долл., январь 2021 – апрель 2022; после февраля 2022 г. фиксируется снижение на $\approx 60\%$ и $\approx 40\%$ соответственно

Одним из ключевых эффектов санкционного давления является формирование новых торговых альянсов и партнерств. Страны, находящиеся под санкциями, стремятся компенсировать потери от традиционных торговых связей за счет установления отношений с новыми партнерами. Например, после наложения санкций на Иран в 2012 г. страна значительно усилила торговые отношения с Китаем, что привело к увеличению товарооборота между этими государствами на 20% в течение последующих двух лет. Этот случай демонстрирует, как санкции подталкивают страны к поиску альтернативных экономических партнеров, изменяя глобальные торговые альянсы. В контексте взаимосвязи дипломатии и санкций в сфере экономики важно отметить, что новые формы взаимодействия между государствами позволяют говорить о «дипломатии принуждения», применяемой в ответ на агрессивные действия противника [4]. Это подчеркивает, что санкции не только оказывают влияние на экономику, но и становятся важным инструментом внешнеэкономической

политики, способствующим переосмыслению торговых отношений на международной арене.

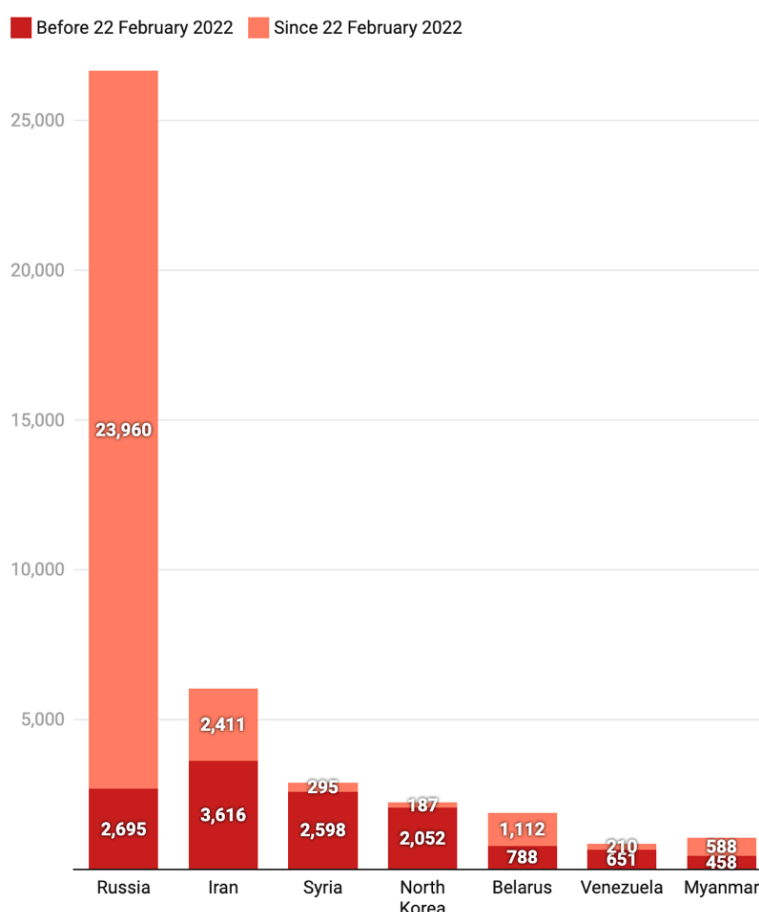
Долгосрочные последствия санкций для глобальной структуры торговли проявляются в перераспределении потоков товаров и изменении долей стран в мировой экономике. Например, согласно отчету Всемирного банка, санкции против Венесуэлы привели к изменению её экспортных потоков, что способствовало снижению доли нефти в глобальной торговле на 3% в течение десятилетия. Это подчеркивает, что санкции могут не только оказывать временное воздействие, но и служить катализатором структурных изменений в мировой торговле. Экономические санкции значительно изменили структуру и функционирование глобальных энергетических рынков, что имеет глубокие последствия для международных отношений и энергетической безопасности [25]. С учетом этих изменений необходимо переосмысление стратегий международного сотрудничества.

Экономические последствия для стран-инициаторов и стран-целей

Страны, инициирующие санкции, сталкиваются с различными экономическими последствиями, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. Например, США, активно применяющие санкции, в 2020 г. потеряли около 2,4 млрд долл. в объеме торговли с Россией, что иллюстрирует, как санкции могут ограничивать экспорт и импорт, уменьшая экономические возможности для бизнеса. Вместе с тем, санкции против Китая в области технологий способствовали росту внутреннего производства полупроводников в США, что привело к созданию новых рабочих мест и развитию высокотехнологичных отраслей. Европейский союз, вводя санкции против Ирана, сократил импорт иранской нефти на 90%, что потребовало поиска альтернативных поставщиков и увеличило затраты на транспортировку и переработку. Кроме того, согласно исследованию, санкции влияют на инновации и переход к зеленой энергетике, создавая как стимулы, так и

препятствия для технологического прогресса в странах-мишенях [25].

Прежде чем перейти к оценке торговых, финансовых и технологических каналов, зафиксируем интенсивность самого режима ограничений в сравнении с другими юрисдикциями. Сопоставление накопленных и новых записей в санкционных списках показывает беспрецедентную концентрацию мер в отношении России после 22 февраля 2022 г. по сравнению с Ираном, Сирией, КНДР и другими странами (рис. 2) [24]. Такая плотность ограничений определяет масштаб перестройки внешней торговли и расчётов и объясняет, почему скорость и глубина адаптационных решений в российском кейсе существенно отличаются от исторических аналогов.

Источник: Castellum.AI, Russia Sanctions Dashboard [24]

Рис. 3. Число санкционных записей по странам (Россия, Иран, Сирия, КНДР, Беларусь, Венесуэла, Мьянма): накопленные до 22.02.2022 (тёмная часть столбики) и добавленные после 22.02.2022 (светлая часть).

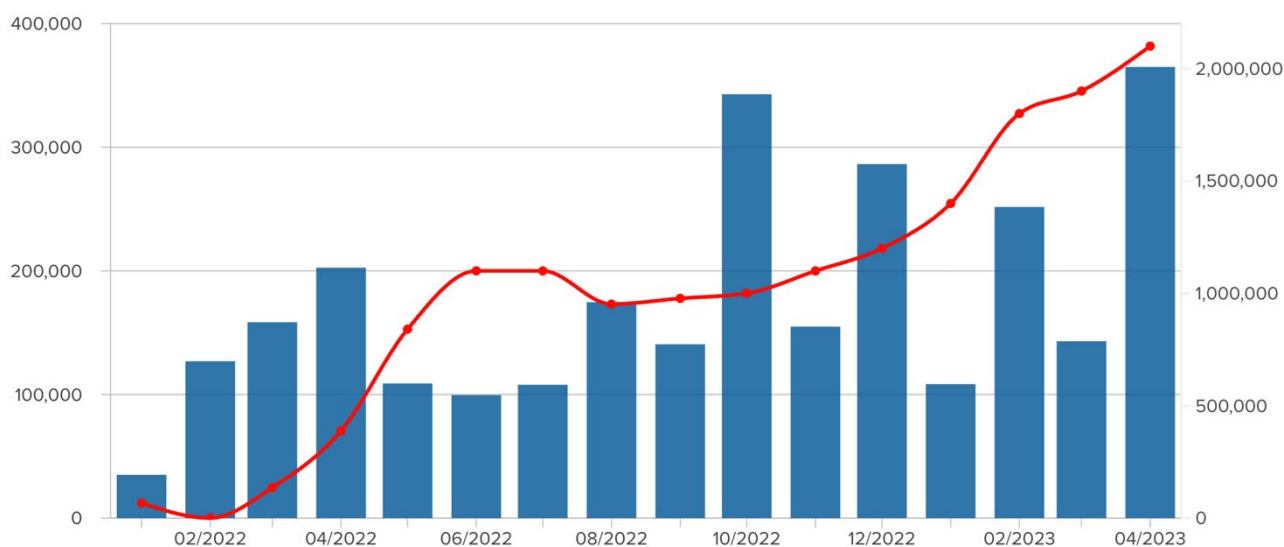
Для стран-адресатов санкционного давления экономические издержки нередко носят системный характер. Так, в Иране ограничения привели к сокращению нефтяного экспорта с 2,5 млн баррелей в сутки в 2011 г. до менее 1 млн баррелей в сутки в 2019 г., что обусловило выпадение бюджетных доходов и ухудшение макроэкономической динамики. Сопутствующий эффект проявляется и у торговых партнёров: в 2022 г. Великобритания импортировала 12,6 тыс. тонн российского алюминия против примерно 41 тыс. тонн в 2019 г. [6]. Тем самым санкционные режимы затрагивают не только внутреннее состояние целевых экономик, но и конфигурируют внешние торговые связи, усиливая вторичные потери у связанных с ними рынков.

Переориентация торговых потоков и партнерств

Санкционные ограничения трансформируют конфигурацию внешней торговли стран-адресатов, побуждая их перераспределять товарные потоки, пересматривать состав контрагентов и перестраивать логистику. Для сохранения макроэкономической устойчивости и экспортной выручки государства переключают поставки на доступные рынки и вырабатывают альтернативные расчётные механизмы. Именно такую траекторию демонстрирует российская экономика после 2014 г.: последовательно наращивалось экономическое взаимодействие с азиатскими партнёрами, прежде всего Китаем и Индией; расширялись договорённости по поставкам, осваивались новые маршруты и форматы расчётов. Это привело к более высокой диверсификации экспортно-импортных потоков и снижению зависимости от европейского направления, что позволило частично амортизировать первичный шок. С другой стороны, исследования показывают, что одним из наиболее уязвимых для санкционного давления секторов российской экономики является электронное машиностроение. Для преодоления этой проблемы необходимо максимальное использование внутренних ресурсов [13]. Таким образом, в условиях санкционного давления

России важно не только развивать новые торговые связи, но и укреплять внутренние производственные возможности.

Удлинение энергетических маршрутов породило новые траектории торговли и окна обхода. Отсутствие прямых ограничений на импорт в ЕС нефтепродуктов, произведённых в третьих странах из российской нефти, сформировало устойчивую схему: рост поставок сырой нефти из России в Индию сопровождался увеличением экспортов индийских нефтепродуктов в Европу. На совокупных потоках это выглядит как зеркальное движение импортной «красной» траектории и экспортных «синих» столбиков, отражая перераспределение добавленной стоимости и изменение логистики (рис. 3) [23].

Источник: Bloomberg Finance LLP; визуализация по материалам Atlantic Council, Ecnographics [23]

Рис. 3. Индия: импорт российской сырой нефти и экспорт индийских нефтепродуктов в Европу, барр./сутки, 02.2022-04.2023. Линия (правая ось) – импорт сырой нефти из России; столбики (левая ось) – экспорт нефтепродуктов из Индии в Европу

Практические примеры показывают, как страны адаптируются к санкционным ограничениям, изменяя направления своей внешней торговли. Иран, находящийся под международными санкциями, смог увеличить экспорт нефти в Китай и Индию, что позволило сохранить значительную часть доходов от продажи углеводородов. Это стало возможным благодаря развитию

альтернативных каналов поставок и установлению долгосрочных торговых соглашений с азиатскими странами. Таким образом, Иран успешно компенсировал потери от ограничений со стороны западных стран, демонстрируя эффективность стратегии переориентации. В доковидный период уровень импорта в производстве машин и оборудования достигал 140% по отношению к внутреннему производству [2]. Это подчеркивает значимость диверсификации внешнеэкономических связей для стран, сталкивающихся с санкциями, и указывает на необходимость адаптации к новым условиям рынка.

Переориентация торговых потоков оказывает как экономическое, так и политическое влияние на страны. Например, Россия, изменив направление своей торговли на азиатские страны, значительно увеличила экспорт сельскохозяйственной продукции в Китай. Это способствовало развитию внутреннего сельского хозяйства, укреплению продовольственной безопасности страны и снижению зависимости от европейских рынков. При этом изменения в торговой политике усиливают экономические связи с новыми партнерами, что может привести к укреплению политических альянсов и перераспределению влияния в международной системе. Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах. А.Ю. Жевлакова отмечает, что введение секторальных ограничений на экспорт калийных удобрений и нефтепродуктов оказало значительное влияние на валютные поступления в Беларусь [10].

Развитие внутреннего экономического потенциала

Для экономик, находящихся под санкционным давлением, приоритетом становится наращивание внутреннего предложения в чувствительных сегментах. В России с 2014 г. последовательно выстраивается политика импортозамещения в агропромышленном комплексе: помимо прямых субсидий используются налоговые преференции, льготное кредитование, поддержка логистики и сбыта. За последующие пять лет выпуск в отрасли вырос примерно на 20%, что сопровождалось расширением кооперации, углублением

переработки и снижением зависимости от внешних поставок.

Сходный подход демонстрирует Иран: ставка на традиционные экспортные отрасли, прежде всего текстиль, в сочетании с адресной поддержкой предприятий привела к приросту вывоза текстиля и ковров порядка 15%. Итогом стали сохранение занятости, стабилизация валютной выручки и частичная компенсация внешних ограничений.

В обоих случаях целевая поддержка национальных производителей выступает буфером против внешних шоков и формирует задел для технологической и продовольственной устойчивости экономики. При этом важно учитывать, что для регионов, вовлеченных в конфликт, наблюдается снижение потребления и валового национального продукта [5]. Таким образом, комплексный подход к поддержке местных производителей может сыграть ключевую роль в восстановлении и укреплении экономики в условиях внешних вызовов.

Развитие внутренних ресурсов и технологий является ключевым элементом стратегии адаптации стран к санкциям. Например, Китай активно инвестировал в собственный сектор полупроводников, чтобы компенсировать ограничения на доступ к западным технологиям. Это позволило создать национальную индустрию производства микрочипов, что значительно снизило зависимость от импорта. В Индии программа «Make in India» способствовала развитию местных технологий, в результате чего производство электроники увеличилось на 25% за три года. Эти примеры подчеркивают важность инвестиций в научные исследования и разработки, а также в создание технологической базы, что позволяет странам укреплять свою экономическую независимость. В этом контексте стоит отметить, что «на основании приведенной автором систематизации определены этапы развития санкционной политики в отношении Республики Беларусь и проанализировано их влияние на основные отрасли экономики» [10].

Локализация производства является эффективным способом снижения зависимости от импорта. В России, например, автомобильная промышленность увеличила долю локализованных компонентов с 50% до 70% за пять лет, что позволило уменьшить влияние санкций на этот сектор. Аргентина, столкнувшись с ограничениями на импорт, увеличила производство сельскохозяйственного оборудования, что привело к сокращению импорта на 30%. Эти примеры демонстрируют, что локализация не только уменьшает зависимость от внешних поставок, но и способствует развитию местной промышленности, созданию рабочих мест и укреплению экономической устойчивости. С другой стороны, «санкционный механизм приравнивает экспорт энергоресурсов из России к торговой войне и призван увеличить экономическое бремя на покупателей российских энергоресурсов, прежде всего Китая и Индии» [3]. Это подчеркивает важность комплексного подхода к локализации, который включает в себя не только производство, но и стратегическую ориентацию на внутренний рынок и экспортные возможности.

Инновации и технологическая независимость в условиях санкций

Инновации играют ключевую роль в преодолении санкционного давления, позволяя странам находить новые пути для развития и минимизировать зависимость от внешних поставок. Ярким примером является Россия, которая после введения санкций в 2014 г. активно начала развивать собственные технологии, особенно в сфере информационных технологий. Это привело к увеличению доли отечественного программного обеспечения на рынке до 30% к 2020 г., что значительно снизило уязвимость страны перед внешними ограничениями. При этом важными аспектами, способствующими устойчивому экономическому росту, являются приоритетная имплементация инновационных решений и технологий нового технологического цикла, развитие импортозамещения, снижение дифференциации доходов и увеличение благосостояния домашних хозяйств, противодействие оттоку капитала и

повышение конкурентоспособности национальной экономики. Таким образом, инновации становятся инструментом не только адаптации, но и долгосрочного развития экономики.

Стратегии достижения технологической независимости включают в себя разработку долгосрочных программ, направленных на снижение зависимости от импорта в ключевых секторах экономики. Примером может служить Китай, который, сталкиваясь с экспортными ограничениями на высокотехнологичную продукцию, инициировал программу «Сделано в Китае 2025». Эта инициатива сосредоточена на развитии национальных технологий и повышении конкурентоспособности китайской промышленности, что позволяет стране минимизировать влияние санкций и укрепить свои позиции на мировом рынке. Позитивная динамика наблюдается, прежде всего, в отраслях с высокой конкуренцией с импортом, ориентированных на внутренний рынок [2]. Таким образом, комплексный подход к развитию технологий и поддержка внутреннего производства становятся основополагающими факторами в достижении технологической независимости.

Примеры успешных инновационных решений в условиях санкций демонстрируют, как страны могут адаптироваться к внешним ограничениям. Иран, находясь под международными санкциями, разработал собственную систему банковских транзакций SEPAM, что позволило сохранить функционирование финансовой системы страны. Этот случай иллюстрирует, что инновационные подходы могут не только компенсировать утрату доступа к международным системам, но и создавать альтернативные решения, способствующие устойчивости экономики. На фоне санкций рынок ИТ претерпел изменения, масштаб и последствия которых еще недостаточно изучены. С рынка ушли многие иностранные ИТ-компании, такие как IBM, Oracle, Cisco, Adobe и Microsoft, что сделало недоступными покупку, продление лицензий на их продукты и их техническую поддержку [20]. Это подчеркивает необходимость развития собственных технологий и сервисов, что

является ключевым фактором для обеспечения конкурентоспособности и независимости в условиях ограничений.

Изменение подходов к международному сотрудничеству

Санкции, применяемые в международной политике, оказывают значительное влияние на традиционные формы сотрудничества между странами. Ярким примером является ситуация с санкциями США против Ирана, введёнными в 2018 г. Эти меры привели к существенному сокращению торговли между Ираном и странами Европейского союза. Экспорт нефти из Ирана снизился на 80%, что стало серьёзным ударом для экономики страны и её внешнеэкономических связей. Это демонстрирует, как санкции могут разрушать устоявшиеся торговые отношения и вынуждать страны искать альтернативные пути взаимодействия. Вместе с тем, санкции подчеркивают, что зависимость от определённых поставок может создавать уязвимости. В 2022 г. на Россию приходилось около 9% всего импорта алюминия в страны Евросоюза, что свидетельствует о значительной зависимости ЕС от российских поставок [6]. Таким образом, санкции могут как ограничивать, так и изменять динамику международной торговли, заставляя страны пересматривать свои экономические связи и искать новые рынки.

В условиях санкционного давления страны вынуждены искать новые формы и направления международного сотрудничества. После введения санкций против России в 2014 г. страна активизировала экономическое взаимодействие с Китаем, что выразилось в росте товарооборота между двумя странами на 30% в 2015 г. Этот факт свидетельствует о переориентации торговых потоков и формировании новых экономических связей. Таким образом, санкции могут стимулировать государства к диверсификации торговых партнёров и углублению сотрудничества с альтернативными экономическими союзниками. Следует учитывать, что «в условиях трансформации международных конфликтов XXI в. гибридная война стала

доминирующей формой противостояния, сочетающей военные, экономические, информационные и кибернетические методы давления» [9]. Это подчеркивает, что экономические меры, такие как санкции, являются частью более широкого спектра стратегий, используемых в современных международных отношениях.

Экономическая и политическая дипломатия играют ключевую роль в адаптации стран к санкциям. Ярким примером является Венесуэла, которая, несмотря на санкции, в 2019 г. заключила ряд соглашений с Турцией на поставку золота и других товаров. Это иллюстрирует использование дипломатических инструментов для обхода санкционных режимов и поддержания экономической стабильности. Вместе с тем, экономические санкции никогда не оправдывали возлагаемых на них надежд, при этом они чреваты непредвиденными последствиями, а главное, последствия санкций невозможно рассчитать, но результат всегда один: сильнее всего страдают люди [17]. Таким образом, дипломатия выступает важным механизмом для минимизации последствий санкций и сохранения международных экономических связей, позволяя странам находить новые пути взаимодействия на глобальной арене.

Развитие многосторонних альянсов и коалиций

Санкционное давление на государства побуждает их искать новые пути для поддержания экономической стабильности и политической независимости. В условиях ограниченного доступа к международным рынкам и финансовым ресурсам страны стремятся объединяться в многосторонние альянсы для совместного противодействия санкционным мерам. Например, после введения санкций против России в 2014 г. в связи с событиями на Украине страны БРИКС усилили сотрудничество, что выразилось в создании Нового банка развития. Его цель – финансирование инфраструктурных проектов в развивающихся странах. Это иллюстрирует, как санкции могут стать катализатором для формирования альтернативных экономических и

политических структур. Ключевым аспектом самостоятельных усилий России является её активность в создании и поддержке новых центров силы в международных отношениях. Это, в свою очередь, способствует усилению значимости многополярного мира для всех стран [11].

Эффективность многосторонних альянсов во многом зависит от механизмов координации и взаимодействия между их участниками. Эти механизмы позволяют странам-участникам согласовывать свои действия и обеспечивать единую политику в отношении внешних вызовов. Как пример многостороннего альянса, Европейский союз координирует свои санкционные меры через Совет ЕС, что дает возможность государствам-членам вырабатывать согласованную политику в отношении стран, находящихся под санкциями, таких как Иран и Северная Корея. Тем не менее, эффективность санкций определяется сложным взаимодействием экономических, политических и социальных факторов, что было подтверждено на примерах ЮАР и Ливии [9]. Координация в рамках альянсов не только усиливает их влияние на международной арене, но и повышает общую эффективность применяемых мер.

Многосторонняя координация придаёт санкционным режимам качественно иной масштаб воздействия: синхронизация торговых ограничений, финансовых блокировок и технологических запретов формирует взаимодополняющие каналы трансмиссии и резко снижает возможности арбитража. В 2010-е гг. согласованные меры США, Европейского союза и ряда партнёров в отношении Ирана продемонстрировали именно такой эффект: одновременное ужесточение экспортно-импортного режима, ограничение доступа к международным расчётам и страхованию, а также расширение экстерриториального контроля за соблюдением требований привели к сжатию нефтяного экспорта и росту премий за риск по всем внешним контрактам. Совокупный результат – ухудшение условий внешнего финансирования и накопление макроэкономических издержек – сузил пространство для

одностороннего манёвра и сделал переговорный трек доминирующим, что в конечном счёте и обеспечило возврат к формату урегулирования по ядерной программе.

Факторы, определяющие эффективность санкционных режимов

Эффективность санкционных режимов определяется рядом ключевых критериев, включая экономическое воздействие на целевую страну, достижение политических целей и влияние на международные отношения. Примером значительного экономического давления служат санкции против Ирана, введённые в 2012 г., которые привели к сокращению экспорта нефти более чем на 50%. Это серьёзно сказалось на экономической стабильности страны и её способности финансировать политические инициативы. Также санкции против России в 2014 г., вызванные возвращением Крыма, продемонстрировали мощное экономическое воздействие: курс рубля упал на 40%, а ВВП снизился на 2,5% в 2015 г. В краткосрочном периоде введенные меры могли привести к замедлению роста ВВП России, при этом средне- и долгосрочные эффекты зависят от длительности и жесткости ограничений на российские энергоносители [3]. Тем не менее, эффективность санкций не ограничивается только экономическими последствиями. Санкции против ЮАР в 1980-х гг. продемонстрировали их способность влиять на социально-политические изменения и способствовали окончанию политики апартеида. Эти примеры иллюстрируют, что успешность санкционных режимов зависит от их способности сочетать экономическое давление с достижением политических и социальных целей, а также учитывать влияние на международные отношения.

Перспективы формирования новых моделей экономического взаимодействия и глобального управления

Санкционные режимы выступают триггером институциональной перенастройки мировой экономики: меняются не только география сбыта и

снабжения, но и способы расчётов, конфигурация договорных отношений и структура коалиций. В ответ государства переключаются торговые маршруты, выстраивают альтернативные платёжные и логистические контуры, расширяют сеть партнёров. В 2022 г. на фоне санкций, введённых по отношению к Российской Федерации, зафиксирован заметный сдвиг в сторону азиатского направления, причём экспорт в Китай вырос приблизительно на 43% относительно предыдущего года, что отражает быстрое перераспределение потоков и освоение новых режимов расчётов.

По мере закрепления этих практик формируется более диверсифицированная модель внешнеэкономических связей с повышенной ролью региональных соглашений, клиринговых механизмов и долгосрочных межправительственных контрактов. Для государств-инициаторов санкции остаются инструментом принуждения с относительно меньшими политическими и фискальными издержками по сравнению с силовыми методами, что и поддерживает их привлекательность в арсенале внешней политики [21].

Под воздействием санкционных режимов происходят изменения в глобальном экономическом управлении. Одной из ключевых тенденций является усиление роли развивающихся стран в мировой экономике. Прогнозы экономистов указывают на то, что к 2030 г. доля стран БРИКС в мировом ВВП может превысить долю стран G7. Это обусловлено активизацией экономического сотрудничества между государствами, на которые влияют санкции, и их стремлением к созданию альтернативных экономических структур. Санкционные режимы воздействуют на экономику стран-участниц в целом и на внешнеэкономические аспекты их деятельности, оказывают влияние на экономические отношения стран на региональном и глобальном уровнях [4]. Таким образом, санкции способствуют изменению баланса сил в мировой экономике, что стимулирует формирование новых центров влияния.

Для обеспечения устойчивого международного сотрудничества в

условиях санкционных режимов разрабатываются новые подходы и механизмы. Одним из таких подходов стало обсуждение создания единой валюты для стран БРИКС на саммите в 2023 г. Эта валюта может стать альтернативой доллару в международной торговле и тем самым снизить зависимость от санкций США. Такие инициативы подчеркивают стремление стран к созданию более сбалансированной и независимой системы международного сотрудничества, которая будет менее подвержена влиянию внешних ограничений. В этом контексте международные организации играют ключевую роль в мониторинге и адаптации стран к новым экономическим реалиям [8].

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать санкционные режимы как длительный институциональный процесс, задающий новую логику функционирования внешней торговли, финансовых расчётов и технологических цепочек. Показано, что по мере закрепления ограничительных мер формируются устойчивые траектории адаптации: перенастраиваются маршруты поставок, расширяется география партнёрств, создаются альтернативные платёжные контуры и усиливается роль внутреннего предложения в чувствительных сегментах. В результате возникает иной баланс между внешними и внутренними источниками роста, а сама структура международных связей приобретает более диверсифицированный характер.

С методологической точки зрения доказана эффективность сочетания стратегических моделей взаимодействия государств с количественно-равновесными методами анализа и институционально-эволюционным подходом. Такой синтез даёт целостное представление о трансмиссионных каналах санкций и о том, как на них наслаиваются механизмы адаптации – от переориентации торговых потоков до локализации и развития собственных технологических решений. Полученные результаты согласуются с

эмпирическими наблюдениями по ряду экономик и раскрывают условия, при которых ответные меры переходят из разряда временных в разряд структурообразующих.

Практическая значимость выводов заключается в формировании рабочих ориентиров экономической политики. На уровне государственной стратегии приоритетами выступают диверсификация внешних рынков, укрепление расчётной инфраструктуры, развитие кооперации и глубины переработки внутри страны, а также институциональная гибкость, позволяющая быстро настраивать правила и сервисы под новые контуры взаимодействия. На международном уровне расширяется значение многосторонней координации и партнёрских форматов, обеспечивающих согласованность мер и предсказуемость правил игры для бизнеса.

В целом санкционные режимы выступают не только инструментом внешнеполитического давления, но и механизмом переформатирования мировой экономики. Их действие ускоряет обновление логистики и договорных практик, стимулирует поиск технологических и финансовых решений, способствует формированию новых центров экономической координации. Представленный в статье понятийный и аналитический каркас может служить основой для разработки прикладных мер экономической и внешнеэкономической политики, направленных на обеспечение устойчивого роста и повышение стратегической автономии.

Список литературы

1. Абрамов Р.А. Влияние санкций на экономическую динамику отраслей и регионов Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. – № 12А. – С. 56-67. DOI: 10.34670/AR.2024.23.45.007.
2. Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания / НИУ ВШЭ. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2023. – [б. с.].

3. Антоненко Н.С., Савина А.Д. Санкции против России: динамика, усиление ограничений и экономические эффекты // Мониторинг экономической ситуации в России. – 2025. – № 2 (194). – С. 1-2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения: 30.09.2025).
4. Базылев Н.И., Мишкевич М.В., Базылева М.Н. Мировая экономика: учеб. пособие / Н.И. Базылев, М.В. Мишкевич, М.Н. Базылева. – Минск: Книжный Дом: Мисанта, 2004. – 159 с.
5. Бакаи Д., Мальмберг Х. Долгосрочные последствия санкций для России // NBER Working Paper Series. – 2025. – № 33506 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nber.org/papers/w33506> (дата обращения: 30.09.2025).
6. Бирюкова О.В., Пауто В.А., Тихоновский Г.А. Влияние антироссийских санкций на международную торговлю алюминием // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 8. – С. 57-58. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-8-57-73.
7. Бутакова Я.С. Анализ определения международных экономических санкций в современной науке // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 4 (18). – С. 35-42. DOI: 10.22394/2686-7834-2023-4-35-42.
8. Гатов В., Гришин В. Роль международных организаций // Проект «Транзит». – 2024. – № 2. – [б. с.].
9. Жаров Д.В. Санкции как инструмент гибридной войны: анализ эффективности на конкретных примерах // Научно-практический журнал «Диалог». – 2025. – № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.npzhdialog.ru/gallery/47122025.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
10. Жевлакова А.Ю. Место и роль санкций в системе регулирования международных торговых отношений / А.Ю. Жевлакова // Материалы Международной научно-технической конференции «Инженерная экономика», 27-28 ноября 2024 / Белорусский национальный технический университет, Машиностроительный факультет; редкол.: К.В. Якушенко

- (пред.), А.В. Арабей, С.Н. Ковшар [и др.]; сост. К.Н. Шкаровская. – Минск: БНТУ, 2024. – С. 1051-1060.
11. Накаряков А.А. Россия в международной торговле на фоне санкционного давления // Финансы и кредит: от адаптации к устойчивому росту. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», [б. г.]. – С. 1125-1127 [Электронный ресурс]. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/134035/1/978-5-91256-641-7_2023_271.pdf (дата обращения: 30.09.2025).
12. Наумчик М.Ю. Экономические санкции как часть современной внешней политики [Электронный ресурс]. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/97032/1/Naumchik_99_103.pdf (дата обращения: 30.09.2025).
13. Орлов С.Н. Россия и глобальные вызовы: тенденции, регулирование и адаптация национальной экономики // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 236. – № 4. – С. 121-148. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-236-4-121-148.
14. Победин А.А., Федулов Д.В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. – 2023. – Т. 17. – № 4. С. 20-32. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-20-32.
15. Прасолов В.И. Проблемы экономики России в условиях санкционных ограничений и импортозамещения // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/13FAVN424.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
16. Рукинов М.В. Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6. – С. 91-101. DOI 10.22394/1726-1139-2019-6-91-101.
17. Стрacho В.О., Метельская К.А. Санкции и их виды в международном праве [Электронный ресурс]. – URL: <http://edoc.bseu.by:8080/>

[bitstream/edoc/17044/2/Strachko_V_O_2014__S__173-174_ocr.pdf](#) (дата обращения: 30.09.2025).

18. Тесленко Т.Е. Международные санкции и их воздействие на динамику оффшорного и оншорного юаня: экономические вызовы и контрмеры Китая // Научно-практический журнал «Диалог». – 2024. – № 1. – С. 47-49 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.npzhdialog.ru/gallery/474912024.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
19. Тесля П.Н. Как (не) работают экономические санкции (о книге Ли Джонса «Общества в осаде») // ЭКО. – 2023. – № 4. – С. 183-192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-4-183-192.
20. Третьяков О.Е. Российский рынок информационных технологий в условиях санкций: изменения и тренды // Автоматизация и ИТ в условиях цифровизации. – Екатеринбург: ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имен первого Президента России Б.Н. Ельцина», 2022. – С. 98-99.
21. Юртайкина Н.М., Барсукова М.А., Фесенко Е.А. Анализ факторов эффективности санкций в международной практике // Вопросы экономики и права. – 2016. – № 6. – С. 63-64.
22. Chorzempa M. Sanctions against Russia are also hurting its trade with nonsanctioning countries [Электронный ресурс]. – Peterson Institute for International Economics (PIIE), June 29, 2022. – URL: <https://www.piie.com/research/piie-charts/2022/sanctions-against-russia-are-also-hurting-its-trade-nonsanctioning> (дата обращения: 30.09.2025).
23. Atlantic Council. Russia Sanctions Database – November 2024. Econographics [Электронный ресурс]. – Washington, DC: Atlantic Council, 2024. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/russia-sanctions-database-november-2024/> (дата обращения: 30.09.2025).

24. Castellum.AI. Russia Sanctions Dashboard [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения: 30.09.2025).
25. Omokaro G.O., Nafula Z.S., Iloabuchi N.E., Efeni O.S., Adeyanju O.I., Janet O.O., Idiong O.U. Energy sanctions in the global economy: Geopolitical disruptions, market fragmentation, innovation and green transition // International Journal of Innovation Studies. – 2025. – Т. 9. – Рр. 246-261. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijis.2025.07.003> (дата обращения: 30.09.2025).

The Impact of Sanction Regimes: Economic Effects of Sanctions on International Relations and Countries' Adaptation Mechanisms

Mironoscev Grigory Konstantinovich,
Student of Group MEiBI25-2m,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, Moscow, Leningradsky Avenue, 49/2,
gmironoscev@gmail.com

Platunina Galina Petrovna,
Senior Lecturer of the Department
"Digital Economy, Management and Business Technologies",
Moscow Technical University of Communications and Informatics, 8A
Aviamotornaya str., Moscow, 111024, Russia,
g.p.platunina@mtuci.ru

The article examines the economic effects of sanction regimes and their impact on international relations. It analyzes the historical evolution of sanctions, identifies key mechanisms of their influence on the global economy, and explores the consequences for both sanctioning states and target countries. Particular attention is paid to adaptation strategies, including the reorientation of trade flows, the development of domestic economic potential, and the creation of innovative models of technological independence. The study also addresses the transformation of diplomatic strategies and the role of international organizations in sanction policy. The paper concludes that sanctions have a dual nature: while restricting international interaction, they simultaneously stimulate the emergence of new forms of cooperation and global governance.

Keywords: sanctions, sanctions regimes, international relations, economic effects, adaptation mechanisms, trade flows, import substitution, innovation, technological independence, international organizations.